

ВАСИЛИЙ АВЕНАРИУС

МЕНЬШОЙ
ПОТЕШНЫЙ

Василий Авенариус
Меньшой потешный

«Public Domain»

1899

Авенариус В. П.

Меньшой потешный / В. П. Авенариус — «Public Domain», 1899

«Светло и радостно возшла заря красная 30 мая 1683 года над первопрестольной Москвой с ее пригородами, слободами и селами. Не высоко еще поднялось солнце, как по пыльному пути от города за Москву-реку, да по тому берегу ее к Воробьеву сперва одиночкой, а потом вереницей потянулись пешеходы. Поднял их на ноги не престольный праздник, не народное какое торжество, а небывалая доселе потеха малолетнего царя Московского – Петра Алексеевича...»

Содержание

I	5
II	8
III	11
IV	13
V	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Василий Авенариус

Меньшой потешный

Историческая повесть из молодости Петра Великого

I

Светло и радостно возшла заря красная 30 мая 1683 года над первопрестольной Москвой с ее пригородами, слободами и селами. Не высоко еще поднялось солнце, как по пыльному пути от города за Москву-реку, да по тому берегу ее к Воробьеву сперва одиночкой, а потом вереницей потянулись пешеходы. Поднял их на ноги не престольный праздник, не народное какое торжество, а небывалая доселе потеха малолетнего царя Московского – Петра Алексеевича.

По кончине благоверного «тишайшего» царя-батюшки Алексея Михайловича юный Петр Алексеевич проживал безотлучно при матушке-царице Наталье Кирилловне в подмосковном селе Преображенском. Вечор же он перебрался с товарищами-«ребятками» в старый Воробьевский дворец, а нынче, в одиннадцатую годовщину рождения Петрова, с Воробьевых высот впервые опять со времен царя Ивана Васильевича Грозного должна была загреметь над Белокаменной огнестрельная потешная пальба.

В числе пешеходов был и одинокий малец по десятому году с лотком на голове. Под толстой, плотной дерюгой, прикрывавшей лоток, были припасены у него для проголодавшихся зевак не остывшие еще пироги. Несмотря на свой детский возраст он нес свою полновесную ношу без видимого усилия, выступал бодро и, обгоняя взрослых, перекидывался с ними на ходу веселыми шуточками. Редко кто не откликался на его бойкий оклик. Все были настроены празднично; а юркие светлые глаза, заискивающе лукавая усмешка курчавого, краснощекого и пригожего из себя парнюги невольно располагали к нему все сердца. Были и такие, что признавали его:

– А, Алексашка! Где тебя нету!

Версты за полторы до Воробьева Алексашка нагнал двух женщин.

На одной, помоложе, лет тридцати, дородной, белотелой и румяной, поверх пунцового «летника» был надет нарядный «опашень» ярко-червчатого (лилового) сукна, внизу отороченный узорчатою золотою каймою, а под мышками перехваченный «источенкой» (разноцветным струйчатым поясом). Просунутые в прорезы опашня у плеч руки, полные, выхоленные, щеголяли расшитыми шелком и золотом рукавами летника и жемчужными запястьями. Из-под подола летника при каждом шаге выставлялись желто-сафьяновые, остроносые «чоботы», а на голове громоздилась высокая золотая парчовая «кика», униженная рядами жемчужных рясок. Шибко припекало уже утреннее солнце; под грузным головным убором, в пышном праздничном наряде молодой женщине становилось все душней, несносней. Цветущее, круглое, как полная луна, лицо ее так и пылало жаром, так и лоснилось; дыхание у нее захватывало, но развязать пояс, расстегнуть хоть на одну пуговку опашень не позволяло ей, видно, чувство собственного достоинства.

Спутница щеголихи, лет на десять ее старше, была одета не в пример скромнее: в простой кумачный сарафан безо всякого шитья и в поношенную душегрейку; волосы ее были подобраны под одноцветную шелковую шапочку – «подубрусник», повязанный сверху чистым белым платком – «убрусом»; на ногах же у нее были попросту смазные сапоги.

Маленький пирожник опередил бы и этих двух женщин, не подхвати он пару слов из оживленной их беседы.

– Больно ты уж страшлива, Спиридоновна, – говорила пожилая женщина своей молодой спутнице. – Ну, попалят, побалуют, – даст Бог, дурна ему никакого не учинится.

– Оно точно, будь опаска, – царедворцы, верно, не пустили б, – тяжело отдуваясь, заметила первая. – А все, знаешь, душа не на месте. Пусть первую кормилицей ему была эта новоявленная княгиня, а попросту такая же, как и ты, кума, как и я, грешная, баба деревенская: всячески я его, голубчика моего, без малого два года тоже грудью своей кормила! Пусть он там царского рода, а все же он мне теперича ровно свое родимое детище.

«Вторая кормилица царская! – сообразил мигом Алексашка. – Ишь, как вырядилась: индадохнуть нечем. Что значит – на жирных харчах нагулять себе тело!»

Как всякому москвичу, Алексашке было хорошо известно, что первая кормилица меньшого царя, Петра Алексеевича, Ненила Ерофеевна, особенная любимица царицы Натальи Кирилловны, не выкормив еще царского младенца, овдовела и была вновь выдана замуж за князя Львова; а с тех пор, что она вторично овдовела, состояла по-прежнему при Дворе царицы на большом жалованье и в великом почете. Заместившую ее Олену Спиридоновну, оставшуюся и до сих пор, по собственному ее выражению, «бабой деревенской», Алексашка как-то видел уже мельком в селе Преображенском и тотчас узнал ее теперь по дебелому затылку и утиной походке с перевальцей.

«Ужели за десять верст пешком притащилась?» – рассуждал он, убавляя шаг и прислушиваясь к неумолчной болтовне двух словоохотливых кумушек.

С первых слов их он услышал ответ себе:

– Нарочно ведь вчера к тебе в город отпросилась, – говорила с передышкой Спиридоновна, – спозаранку хошь собрались сюда... Уф! Умаялась... и так-то далеконо!к!

– А самой-то царицы не будет нонче? – допытывалась кума.

– Что ты, милая, перекрестися! Нешто она со вдовства своего куда еще покажется?

– Да мне-то, кумушка, отколе ж все порядки знать-то? – оправдывалась кума. – Место у нас глухое, никаких вестей к нам отселе не доходит, и сама я теперича в Москву впервой только, наездом! Ведь он-то, царь Петр Алексеевич, у нее, царицы нашей, один сын только свой и есть?

– Один, матушка, как перст. Все старшие братья и сестры у него – от первой супружницы покойного царя Алексея Михайлыча, Милославской. Царица же Наталья Кирилловна – из рода Нарышкиных. С первой встречи, слышь, в доме великого боярина Матвеева она ему до смерти полюбилась.

– В чужом доме? Ведь боярышен же наших родители, как жар-птиц каких, взаперти за тремя замками держат?

– Да Матвеев не чужой ей был, а друг старинный родителя ее, Кирилла Полуектовича Нарышкина. Живучи сам в отдаленной усадьбе своей Тарусской, тот выслал дочку, как заневести-лась, на побывку, на воспитание к приятелю в Москву. Ну, а покойный царь-от наш любил Матвеева противу всех других царедворцев, что день – запросто наезжал к нему. Так-то вот одним вечером зимним засиделся государь у Матвеевых до самого ужина. Вышла тут в столовую вместе с хозяйкой и воспитанница их, Наталья Кирилловна Нарышкина, – ну, и делу конец: загляделся. Уж куда хороша была: высокая, статная, чернобровая, черноглазая.

– Так что опосля у царя и смотрин особых из отобранных девиц уже не было?

– Как не быть! Разве без этого возможно? Не единожды – дважды скликали для виду на Верх первых боярышен... опричь Москвы, со всех городов Земли Русской: из Рязани и Владимира, из Суздаля, Костромы и Новгорода. В потайное окошечко из соседней горницы переглядел их государь, почитай, до тысячи, но выбора не изменил.

– И счастливо жили?

– Уж так ли счастливо! Особливо, как Бог им сыночка этого Петрушу дал. Ведь старшие-то сыновья государя Алексея Михайлыча, из колена Милославских (что греха таить!), не в отца пошли, не в зазор молвить – радости от них ему было мало...

Спиридоновна на этом запнулась и опасливо оглянулась на шедшего сейчас позади них маленького пирожника. Но Алексашка, как ни в чем не бывало, словно ничего и не слышал, тихонько посвистывал про себя и засмотрелся куда-то в сторону.

II

– А меньшой царевич был не таков? – допытывалась кума.

– Петруша-то мой? – оживленно подхватила снова царская кормилица. – Не ребенка в нем Господь им – клад послал! Да и то сказать: не родился он еще на свет Божий, как знамение об нем в небесах прояви-лося – звезда большущая, пресветлая, и предрек молодой царице муж ученый, Симеон Полоцкий, что будет-де сын у нее преславнее всех его отцов и праотцов, царей Московских. И точно: полугода ему еще не минуло, совсем малехонькой – ходить уж зачал, а еще через полгода сидел верхом на потешной деревянной лошадке, разъезжал по хоромам на потешном стульце. Жизнечок!

– Любили его, я чай, родители-то?

– Такого-то не любить? Надышаться не могли. Уж каких-каких игрушек ни раздобыли, ни понаделали ему! Ведь при Дворе-то царском тоже всякие мастера, свои и иноземные: живописцы да сусальники, столяры да токари. Были у него и барашки с заправской шерстью, и гнезда птичьи – голубей, канареек, чижей, щеглят, были всякие струменты: гусли, цымбалы да клавикорды, были книжки потешные с картинками расцвеченными. Паче же всего забавляли его игрушки воинские, оружие потешное: барабанцы, бубны, топорики, перначи, булавы, чеканцы, лучки, кончеры, знамена и пушечки золоченые на станках и колесах.

– Ишь ты! – удивлялась заслушавшаяся кума. – Ничего, кажись, больше для ребенка и не придумаешь.

– Ан нет, – возразила царская кормилица, – боярин наш Матвеев придумал: бил царевичу челом такими подарками, какие другим и во сне не снились.

– Ну!

– А вот слушай. Приносил он ему примерно потешные листы фряжские, книжки с кунштами...

– С картинками значит?

– Вот-вот! Чего-чего там не было! И зверье-то всякое, и люди белые, красные да черные, и дворцы-то, и корабли, и бои воинские с пальбой, с шарами огненными. И все-то красками расцвечено: шафраном да белилами, ярью венецейскою да золотом сусальным. Заказал он для царевича еще в мастерских придворных, на больших листах этаких, александрийских, что ли, всю планиту – двенадцать месяцев и беги небесные: ни дать, ни взять, как в подволоках в столовой царской. Но лучший подарок малышу от дедушки Артамона (так звал Петруша боярина) была карета-игрушка – ни в сказке сказать, ни пером описать! Изнутри бархатом выложена, снаружи вся раззолочена, с золотой бахромой, а стекла хрустальные и на стеклах всякие цари да короли расписаны.

– А как же ездить ему в той каретце без коней-то было?

– Знамо дело, что не без них. Четверка живых коньков была впряжена, темнокарых, ростом не выше теленка, и упряжь тоже вся бархатная, золотом шитая, с наголовками, с нахвостиками разноцветными. Как выедет тут, бывало, царевич ваш в своей каретце – по сторонам четыре карлика в малиновых кафтанах с золотыми пуговичками, сзади еще один такой же и все тоже на маленьких лошадохках, – сбежится народ со всех концов поглазеть на диво дивное.

– Да, занятно бы поглядеть, – заметила кума. – Позавчера мне одного из таких карлов на Неглинной показывали: Комаром называли. И впрямь, как есть мизгирь.

– А это первый же нонече карла царский, Никита Комар... Да! Развеселое в те поры житье при Дворе было, – с сожалением прибавила Спиридоновна. – Живали мы тогда с царем, с царицей все больше в Преображенском: очень уж обоим полюбилися. И до Сокольницкой рощи недалече, где тешился покойный государь охотой соколиной.

– А как преставился государь Алексей Михайлыч? Кормилица царская испустила вздох и рукой махнула.

– Тут, милая, все обернулося! Осталось после царя-то три царевича: царевич Феодор, царевич Иван да мой Петруша. На престол родительский воссел, вестимо, старший. На Верху же, в Кремле, около молодого даря Феодора Алексеевича проявились, заорудовали новые припадочные лица (любимцы): Языковы да Лихачевы, а над всем-то, – прибавила Спиридоновна, понижая голос, – девичий терем сестриц-царевен.

– Терем! А сколько их было, дочерей-то, у блаженной памяти государя Алексея Михайловича?

– Да ни много ни мало – шесть душ¹. Из шести же третья царевна Софья Алексеевна всех прочих умней, хитрей и отважней. Братец ее царь Феодор Алексеевич с младых ногтей хворый был, хилый, не жилец на сем свете. Царил словно бы он, а на самом деле – терем. Когда ж приключилась с ним последняя смертная хворь (упокой Господь его душу!), царевна Софья, противу исконного обычая девичьего, вышла из терема к больному брату, до самого смертного часа ни на шаг его уж не покидала, из своих рук лекарства ему подносила...

– Стало, душевно болезновала об нем?

– А уж там понимай, как хочешь. Только по ее же, слышь, приказу, у великого боярина нашего Матвеева, хошь ничем таким, кажись не провинился, первым делом, якобы у последнего преступника, все, имена отобрали, самого же за тридевять земель на житье спровадили, куда Макар телят не гонял². Родных братьев матушки-царицы, Нарышкиных – Ивана да Афанасия – тоже от Двора удалили.

– А другие-то два брата-царевича что?

– Царевича Ивана покуда не тронули в его кремлевских палатах, зато нам с царицей да меньшим царевичем, Петром Алексеевичем, из нашего Преображенского ни шагу не велено делать.

– Да, сказывали об этом, помнится, и у нас на деревне. А как не стало царя Феодора Алексеевича, так пошла сейчас эта смута стрельцкая?

Царская кормилица осенилась крестом.

– Не поминай лучше, ох, не поминай! Только вспомню – дыбом на голове волос встанет, слеза прошибет. Сколько народу православного тут задаром было погублено – и счету нет. Сам добрый боярин наш Матвеев, что едва лишь был возвращен ко Двору из опалы, сложил голову победную... Вечная память мученикам Божиим!

– А кончилось дело все же тем: что меньших двух царевичей, Ивана да Петра, вместе на царство венчали?

– Для виду, точно, венчали, над обоими же, как над малолетками правительницей царевну Софью нарекли: сила воинская – стрельцы были за нее. Как ле-тось в Грановитой Палате завели этот великий спор с раскольниками, на царском седалище хошь и воссел мой Петр Алексеевич, а вокруг него все царское племя, старшее и младшее, – однако царевна-правительница уселась в переднем углу, рядом со светлейшим патриархом, так что ей словно бы принадлежало из всей царской семьи первое место. И в церквах тоже архидьякон во многолетнем поздравлении кличет правительницу наравне с братьями-царями, а опосля уж в особину прочих цариц и царевен.

– Ну, Петр Алексеевич еще юн, можно сказать, птенец, – вставила кума, – но старший царь, Иван Алексеевич, чего смотрит?

Спиридоновна горько усмехнулась.

¹ Евдокия (в 1676 г. – год смерти царя Алексея Михайловича – 26 лет), Марфа (23 л.), Софья (19 л.), Екатерина (17 л.), Мария (16 л.) и Феодосия (13 л.).

² Сперва в Пустозерск, потом в Мезень.

– Хошь и старше он возрастом чуть не на шесть годков (семнадцатый год ведь в исходе), да Господь беднягу кругом обидел: скудоум, слышь, маломочен, подслеповат и косноязычен. Зато милый птенчик мой, Петр Алексеевич, как есть орленок: чует, что посажен в клетку, и, знай, на волю рвется. Просвети его Бог, открой ему очи! И нынче вон куда урвался – испробовать крылья! Сердце только у меня за него не на месте: как бы коршуны ненароком не налетели, не заклевали!

III

В таких разговорах две кумушки шли себе да шли незаметным подъемом гористого правого берега Москвы-реки, среди загородных садов и рощиц, пока не миновали села Воробьева, за которым против крутой излучины реки, на высшей точке Воробьевых высот показалась конечная цель их странствия – с десятков поставленных на высокие лафеты орудий с копошившимися около них пушкарями. Не на шутку заинтересованный беседой царской кормилицы с ее приятельницей, Алексашка теперь обогнал их и минуты две спустя очутился около самых пушек.

Открывшаяся внизу, под крутизной, обширная картина Москвы, на которую в 1812 году, как известно, загляделся сам Наполеон, не могла на этот раз занять нашего пирожника, неоднократно бывавшего уже здесь. Все внимание его приковал к себе распоряжавшийся пушками приземистый, но коренастый, с выпяченной грудью и внушительным брюшком пожилой мужчина в треуголке и капитанском мундире с красными отворотами, в высоких ботфортах и лосиных перчатках.

Алексашка хорошо знал его. То был огнестрельный мастер Симон Зоммер, выписанный за год назад из Неметчины для обучения царского войска «огненному бою» и назначенный тогда же капитаном в выборный полк думного генерала Аггея Алексеевича Шепелева. Несмотря на забавный ломаный русский язык, которым Зоммер отдавал орудийной прислуге последние приказания, ни сама прислуга, ни толпившиеся в стороне зеваки не смели выказывать слишком явно свою веселость: строгая воинская выправка иноземного капитана, его быстрый, пронизывающий взор из-под нависших серебристых бровей и повелительный, немного сиповатый голос внушал всякому если не уважение, то безотчетный страх.

Поэтому дерзость нашего мальчугана, остановившегося с лотком своим перед самым его носом, должна была тем более удивить господина капитана, который и разразился громовым раскатом:

– Sapperlot-Kreuz-Schock-Donnerwetter und Granaten!..

Но Алексашка был не из робкого десятка; с заискивающей улыбкой он почтительно-фамильярно снял с кудрявой головы обношенный войлочный колпак и довольно бойким немецким языком пожелал суровому немцу-пушкарю доброго утра, прибавив, что господину капитану низжайше кланяется фрау Елена.

Омраченные черты Симона Зоммера прояснились. Он и сам узнал теперь в краснощеком, пригожем пирожнике питомца-приживальца своей старушки-землячки Елены Фадмерхт, жившей с мужем и многочисленным потомством в пригородной Немецкой Слободе.

– So! Bist du das, Kleiner? (А! Это ты малец?) – промолвил он. – Что, фрау Елена, видно, свежих пирогов опять напекла?

– Самых отменных и горячих, – отвечал шустрый продавец, откидывая с лотка полотно. – Не угодно ли откушать?

– Спасибо, друг: видишь, не до того. Вот пожалует его царское величество, за делом, может, проголодается и потребует. Тогда смотри, чтобы хватило, да чтобы не остыли.

– А господин капитан кликнет меня?

– Я-то тут причем?

– Да уж коли господин капитан замолвит за нашего брата словечко, – молодой государь наш, верно, не оставит своей милостью, – вкрадчиво говорил Алексашка, старательно, однако, по доброму совету огнестрельного мастера, прикрывая опять свой лакомый товар, чтобы не остыл.

Зоммер только рукой отмахнулся: не до тебя, мол, и в явном нетерпении отрядил одного из своих пушкарей к Воробьевскому дворцу разузнать, скоро ли наконец молодому царю

благоугодно будет пожаловать. Алексашка отретировался в толпе, которую два стражника с бердышами на плечах держали в почтительном отдалении.

– Ты, парнюга, куда полез! – зычно гаркнул на нашего пирожника один из стражников. – Вот я тебя! Давай, что ли, сюда твоих пирогов, да живо!

– Оботри сперва свое неумытое рыло! – огрызнулся тот, а сам благоразумно юркнул за ближайших зрителей, которые наградили его грубое острословие дружным смехом.

– Что, что такое? – озлобился стражник и с бердышем в приподнятой руке кинулся вслед за сорванцом.

Толпа раздалась по сторонам, и Алексашке ничего не оставалось, как прибегнуть к хитрости: уверить, будто пироги у него заказаны для самого царя Петра Алексеевича.

– Так бы и сказал! – буркнул стражник. – Ну, вы, зубоскалы! Что напираете? Грому на вас нет!

В это время по пути из города донесся быстрый стук лошадиных копыт. Симон Зоммер, заслонив глаза ладонью от бивших ему в лицо лучей невысоко стоявшего солнца, насупив бровки, засмотрелся по направлению топота. В облаках пыли мчался во всю конскую прыть, распустив удила, одинокий всадник, молодой стрелец из стражи царевны-правительницы Софьи Алексеевны.

– Ну? – спросил Зоммер, когда тот соскочил наземь и приблизился к нему.

– Благоверная государыня царевна наша повелеть изволила отнюдь не зачинать огненной пальбы, поколе сама сюда не пожалует, – отрапортовал с формальным поклоном гонец.

– Царевна персонально будет приезжать? – недоумевая, переспросил по-русски Симон Зоммер, и решительно покачал головою. – Этого быть не может!

– Вестимо, врет, господин капитан, – позволил себе ввернуть слово старший из пушкарей. – Царевна хоть и грамотейница, да девица степенная, разумная. С самого того спора раскольничьего из терема, слышь, ногой не ступила, в горенке своей, чай, шелковые кошельки только да пояски вышивает, бисерны лестовки вяжет...

– Молчать! – с сердцем оборвал капитан забывшего субординацию подчиненного и повторил по адресу гонца свое прежнее: – Этого быть не может!

– Но коли выслала меня вперед, стало – будет, – возразил тот.

– Не мое дело – государево дело!

И упрямый старик круто повернулся к гонцу спиною.

IV

Посланный на рекогносцировку пушкарь вернулся в это время и донес капитану, что государь идет сейчас от дворца.

– Идет! Идет! – загудел кругом Алексашки и заволновался народ.

– На места! – зычно скомандовал орудийной прислуге огнестрельный мастер, сам оправляясь и обдергивая на руках длинные лосиные перчатки.

По дороге показался стройный, осанистый юноша, сопровождаемый свитой малорослых, в сравнении с ним, товарищей-однолетков и несколькими взрослыми придворными.

Задерживаемая стражниками толпа любопытных выпирала из-за них со всех сторон и оттерла Алексашку в задние ряды, откуда ему из-за массы спин и голов ничего уже не было видно. Но сметливый мальчуган выбрался вон из толпы и обходом успел примкнуть к хвосту царской свиты.

– Что, горячи ли? – опросил его тут пискливым голосом карапуз с забавно сморщенной рожицей, кивая головой на лоток в руках пирожника. Оказалось, что то был не кто иной, как излюбленный карла молодого царя – Никита Комар.

– Прямо из пекла! – весело отшутился Алексашка. – Не отведаешь ли, Никитушка?

– Ужо поспеет, – приятельски подмигнул ему Никита. – Не отходи далеко-то, – покровительственно добавил он, – ступай за мной.

Алексашке только это и нужно было. Под протекцией столь важной в своем роде «персоны», как первый карла царский, он следом за ним пробрался к самым пушкам и с лотком наперевес смело стал впереди плотной линии глазающей черни. Стоявший тут же навытяжку стражник сердито глянул на нашего выскочку, но не посмел уже его тронуть.

Недаром Олена Спиридоновна приравняла своего царственного птенца к орленку. Сегодня лишь царю Петру Алексеевичу исполнилось одиннадцать лет, а на вид ему можно было дать лет шестнадцать, даже восемнадцать: статный, стройный, ростом выше большинства окружающих взрослых людей, с выразительными чертами лица, с быстрым, пронизательным взором, он высматривал бы совсем юношей, если бы не отсутствие всякого пушка над верхнею губою и на гладком подбородке. Гонец царевны Софьи приблизился было также и к Петру, но тот, не дав ему даже кончить свой рапорт, коротко приказал отойти и обратился к Симону Зоммеру.

Внимание Алексашки, впрочем, было уже отвлечено от царя-отрока. Пока последний осматривал орудия и с видимым интересом выслушивал мудреные технические объяснения немца-пушкаря, Никита Комар, точно польщенный своей ролью протектора вполголоса откровенничал с маленьким пирожником насчет себя и других присутствующих приближенных царя.

– Нам на житье свое жаловаться – Бога гневить, – говорил он с самодовольством оглядывая на себе пестрый шутовской наряд. – Не то вишь, что эти вон сермяжники и лапотники! К Светлому Христову Воскресению с ног до головы заново обшит. Да не я один! Вон хоть Никита Мосеич (карла мигнул на царского дядьку-учителя, Никиту Моисеевича Зотова, несколько чванного с виду, но благодушно улыбающегося толстяка). Книжной мудрости он, правду сказать, малую толику обучил государя нашего: псалтырю, часослову да за обедней петь на крылосе; но зато ж и превыше заслуг взыскан: сам я по приказу царскому закупил для него, Мосеича, тогда же у торгового человека Григорьева Ивашки нашивку плетеную золотую с кистями. На целых шесть рублей раскошелился. Честь и место – думный дьяк!

– А Нестеров к Светлому Празднику чем был пожалован? – полюбопытствовал Алексашка, показывая глазами на другого учителя царского, Афанасия Алексеевича Нестерова, сухопарого и сумрачного старичка. – Ведь он никак стольник Оружейного Приказа?

– А то как же? Ему великий государь наш указал отпустить из мастерских палат на кафтан объяри, киндяку, галуно для нашивок. Вон, погоди, как уж на солнышке взопреет, распахнет он опашень, – увидишь каков кафтан вышел: весь зеленый-то объяринный, подпушек камкою, расшит кругом галуном золотным с кистями золочеными.

– Зато же он, слышь, и великий мастер в оружейном деле, во всяких этих воинских потешках, до коих государь наш так охоч, – заметил Алексашка.

– Знамо, что заслужил. Ведь кто первый-то государя с боярченками воинским артикулам этим наставил, кто поставляет им для их потех всякое оружие воинское? Все он же, Афанасий Алексеич. Пушки, правда, доселе были только якобы игрушечные, палили из них не порохом, а так, нажимом воздушным, – механикой, значит, да и ядра были деревянные, только для виду кожей обтянуты. Зато нынче палить из заправских пушек будем... Эге-ге! Вон и царевна едет посмотреть нашу пальбу.

В самом деле, в отдалении, на деревянном мосту через Москву-реку показался длиннейший торжественный поезд.

Впереди, во главе стремянного полка стрельцов, ехал дородный стрелецкий полковник, по временам гулко ударяя нагайкой по привязанному у седла его котелку-набату, чтобы попадавшие по пути пешеходы живой сторонились. Стройною цепью тянулись за ним в своих однообразных зеленых кафтанах, во всеоружии молодцы-стрельцы. Ярko играли золотые лучи солнца на светлых секирах; не менее ослепительно отражались они также в слюдяных оконцах следовавшей за стрельцами большой, позлащенной царевниной колымаги. Запряжена была колымага двенадцатью снежно-белыми «возниками» (упряжными конями). По бокам и позади нее бежали стольники-пажи, а по сторонам последних двигалась быстрым походным шагом ближайшая охрана царевны – рядовой стрелецкий полк в нарядных кафтанах, обращая колымагу правительницы как бы в огражденную со всех сторон подвижную крепость.

Но особенною роскошью и пестротой праздничных уборов поражали ехавшие за колымагой верхами бояре, окольные, думные дворяне и думные дьяки. Опашни на них были из разноцветного шелка, у многих с золотыми узорчатыми вышивками; на князьях и боярах – высокие «горлатные» шапки (из меха с горла пушных зверей), на других придворных щеголях – плоскодонные мурмолки, опушенные соболем и усаженные жемчугом и самоцветными камнями: седла у всех – бархатные либо сафьяновые, богато расшитые золотом, а вся конская сбруя разувешена светлыми цепочками, бляшками и бубенцами – смотреть любо-дорого!

За мужской придворной свитой ехало опять несколько обыкновенных придворных карет, в шесть темно-серых или буланых «возников» каждая. В каретах этих следовали «верховые» боярыни, карлицы и мамы царевны.

Хвост кортежа замыкался цепью пеших стрельцов в походном вооружении: с мушкетями, бердышами и копьями.

Подобно другим, и молодой Петр всматривался в пышный поезд, и между бровей его проступила зловещая складка.

– Те же янычары, – пробормотал тут кто-то за его спиной по-немецки.

Петр быстро оглянулся и увидел Зоммера, задумчиво следившего за поездом, скрывавшимся за поворотом дороги.

– Кто? Стрельцы-то наши? – с горечью переспросил Петр. – Да, истинная правда: янычары! Да что нам ждать их, господин капитан! Зарядите-ка сейчас ваши пушки.

– Зарядить недолго, – отозвался капитан, – но смею доложить вашему величеству с достоподобным решпектом и венерацией: благоверная царевна Софья недаром сравнивается современниками с вавилонской Семирамидой, с королевой английской Елисаветой...

– Да, государь, потерпи маленько! – просящим тоном вступился и учитель царский Зотов. – Неравно государыня-царевна наша осерчает, что ее не обождали.

– Да мы ей вперед отсалютуем! Сейчас же, капитан, извольте зарядить.

Зоммер не смел уже возражать. По знаку его подначальные пушкарки расторопно стали забивать заряды в дула пушек, после чего засветили фитили. Ближайший пушкарь собирался уже поднести фитиль к запалу своей пушки, когда Петр остановил его:

– Постой! Дай-ка я сам...

Тут около него раздался пронзительный женский крик:

– Ай, нет, соколик, миленький мой! Побойся Бога... Но царь-отрок вырвал уже фитиль из рук пушкаря и приложил огонь к запалу. Впервые после сотни лет – со времен Грозного – с Воробьевых высот в ясное солнечное утро грянул над Москвою оглушительный пушечный удар. Гора под ногами толпившегося кругом народа словно дрогнула, заколебалась, а вырвавшийся из жерла пушки вместе с пламенем и относимый назад ветром дым окутал окружающих в легкое облако.

– Господи помилуй! Не убится ли, мой светик? – заверещал тот же слабый голос, и к молодому царю, вся бледная и трепетная от перепуга, с распростертыми руками протеснилась толстая, разряженная Олена Спиридоновна.

Такая неуместная заботливость отставной кормилицы перед всем собравшимся людом отнюдь не могла быть приятна ее бывшему питомцу. Он гневно вспыхнул и ожег Спиридонову почти ненавистным взглядом.

– Дура глупая! Заряды-то ведь холостые. Ты как сюда попала? Вон!!

Не проронив ни слова, ошеломленная женщина отшатнулась, а усердные стражники миглом подхватили ее подмышки и спровадили подалей с ясных очей царских. Для Петра, впрочем, ее будто уже и не существовало. С дрожащими еще губами, но с напускным спокойствием, он отнесся к стоявшему рядом с ним учителю своему Зотову:

– Ну, Никита Мосейч, теперь твой черед.

Один за другим выпалили из всех заряженных десяти орудий Зотов, Нестеров, Зоммер, а там и кое-кто из отроков-сверстников Петровых: молодых Нарышкиных, Головкиных, Стрешневых, князей Черкасских, Мещерских, Голицыных. Пушкарки с банниками захлопотались около пушек, чтобы скорее очистить их для дальнейшей пальбы.

– Этакая одиночная канонада еще что! – самодовольно говорил по-немецки Симон Зоммер. – Вот как опять зарядим да выпалим разом: так тут-то ваше величество узнаете подлинную канонаду.

Но и одиночная «канонада» настолько уже рассеяла вспышку юного царя, что он с повеселевшим лицом окинул кругом безмолвствовавшую, как бы запуганную толпу приветливым взором и сказал почтенному огнестрельному мастеру во всеуслышанье, по-немецки же, несколько благодарственных слов.

– Надо малость хоть дать остыть орудиям, – отозвался Зоммер, и чтобы несколько обуздать нетерпение Петра до прибытия сестры, он стал объяснять ему новые приемы артиллерийской пальбы.

V

– Наконец-то! – проговорил Петр и задорно приосанился, когда наконец из-за кустов по дороге замелькали зеленые стрелецкие кафтаны и блестящие секиры.

Поезд остановился; стрельцы живыми шпалерами стали по сторонам дороги, и вышедшая из своей колымаги правительница в сопровождении ближайших придворных чинов не спеша направились к месту «канонады».

Особенною красотою лица или хотя бы миловидностью царевна Софья Алексеевна никогда не выдавалась. В сентябре же минувшего года ей пошел уже двадцать шестой год, и цветущая свежесть первой молодости на лице ее заметно поблекла. Наперекор обычаю того времени, она гнушалась румян, белил, сурьмы: восковая бледность щек и густая от природы, «соболиная» бровь вполне отвечала непреклонному нраву и суровой величавости, отпечатленным в ее благообразных вообще чертах, в ее задумчивых, строгих глазах. Свою белую поярковую шляпу, подбитую по приподнятым полям золотным «червчатым» атласом, украшенную жемчужным «снуром» (лентой) и кистями, она носила гордо, как царскую «коруну» (венец), и нарочно, казалось, откинула с выразительного лица тончайшую, огненного цвета тафту. Вместо бывшего в руках ее «солнечника» (зонтика), ей гораздо более, конечно, приличествовало держать царский скипетр и державу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.